

Интертекстуальные связи в романе Б. Акунина „Алмазная колесница” и новелле А. И. Куприна „Штабс-капитан Рыбников”

УДК 821.161.1-3 Куприн. 09

Н.Ф. Соценко

Согласно наблюдениям Фатеевой, в начале века авторы стремились ассимилировать интертекст в своём тексте, вплавить его...вплоть до полного растворения, а в конце века наблюдается стремление к диссимилиации, метатекстовой игре с чужим текстом [8: 31]. Б. Акунин в романе «Алмазная колесница» (2003) использует неатрибутированные (термин Н. Фатеевой) цитаты без кавычек и указания источника. При сильной насыщенности текста цитатами неатрибутированность не ощущается. В первой части романа «Ловец стрекоз» (2003) первое и второе предложения являются точной немаркированной цитатой новеллы А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» (1906), хотя графически текст Акунина записан иначе, чем текст Куприна. Это даёт основания говорить, что автор постмодернистской эпохи пользуется приёмами, характерными для литературы

начала XX века. Третий абзац текста романа – это пересказ дальнейшего содержания первой главы новеллы Куприна, но используемая лексика изображает носителя другого сознания, не свойственного эпохе Куприна, несмотря на то, что в романе Акунина настойчиво варьируется лексический пласт претекста. Дальнейшее содержание первой главы представляет собой дописывание как вид интертекста.

Таким образом, в первой главе романа «Ловец стрекоз» представлены воссозданные Акуниным характерные для Куприна виды интертекстуальности: цитата, пересказ, дописывание.

Деструкция претекста происходит на уровне системы образов, фабулы, синтаксических конструкций. В постмодернистском произведении, создавая «биографию» (шпионскую легенду) и портрет героя, писатель использует неатрибутированные цитаты текста Куприна: «...под Ляояном контужен в голову» [3: 233] – «...о контузии в голову под Ляояном» [1: 6]; «...русский бесформенный нос сливой...» [3: 239] – «...шмыгал сливообразным носом» [1: 7]. Следует заметить, что одного из персонажей повести Куприна «Поединок» (1905) зовут капитан Слива. Соотношение текстов возможно и далее: «... а при Мукденском отступлении ранен в ногу» [3: 233] – «... всё-таки офицер, ранен при Мукдене» [1: 6]; «Все уже знали наизусть...» – «все тысячу раз слышали историю» [1: 7]; «...маленький...его суетливая...развязность» [3: 233] – «...маленькую суетливую фигуру» [1: 6]. Так Акунин воссоздаёт претекст на лексическом уровне и поэтическую манеру Куприна: использовать неатрибутированные цитаты.

Куприн широко пользовался автоинтертекстом, поэтому новеллу Куприна «Штабс-капитан Рыбников» необходимо рассматривать в аспекте интертекстуальных связей с претекстами самого Куприна, прежде всего с романом «Поединок» (1905). Пласт автоинтертекста обнаруживается при воссоздании маски

«...русского забубённого армейца» [3: 245], которую использовал японский шпион, знаток и любитель русской литературы, живя в Петербурге. Легко устанавливается внешнее сходство между японским шпионом, который выдаёт себя за русского боевого офицера и офицерами полка из «Поединка». О штабс-капитане Рыбникове рассказчик сообщает: «...маленький, черномазый..., ... болтливый, не особенно

трезвый... <...> пуглив и наивен» [3: 233]. Очевидно использование автоинтертекстуальных связей Куприным: «...маленький ... и шустрый ефрейтор Шаповаленко» [3: 5], «поручик Веткин – ...весельчак, говорун, ... и пьяница» [3: 6], «Ромашов ... был ... от большой застенчивости неловок» [3: 12], «...у Ромашова была...наивная привычка...» [3: 17]. Концентрируя в личине Рыбникова черты ранее рассредоточенные между многими персонажами, Куприн воссоздаёт двойную карикатуру: на русских офицеров и на шпиона вражеской армии. Индекс частотности авторских аллюзий у Куприна достаточно высок. Приведём ещё один пример. Полковник Шульгович в романе «Поединок» говорит о солдате Шарафутдинове: «...это – солдат...? ...Это срам, позор, омерзение...» [3:16].

«...холенные штабные офицеры говорили...» о Рыбникове: «И это русские офицеры! ... Тупость, бестолковость, полное отсутствие чувства собственного достоинства...» [3: 234].

Кроме того, следует учитывать, что предшественниками Куприна в изображении военных были Л. Толстой, В. Гаршин, А. Чехов. Соотношение между текстами устанавливается благодаря аллюзивно-цитатной связи. Штабс-капитан Рыбников в сознании реципиента воспринимается как аллюзия образов капитана Тимохина и Тушина из романа Толстого «Война и мир» (1869). О Тимохине Кутузов говорит: «У него была приверженность к Бахусу», поэтому «лицо капитана с красным носом» [8: 159]. Для создания двойственности образа героя, Толстой использует приём различного восприятия, воспроизведенный и Куприным, и Акуниным. Офицер с алмазным перстнем обращается «к маленькому, грязному, худому...офицеру...без сапог» [8: 228], а на князя Андрея Тушин «глядел большими, умными и добрыми глазами...» [8: 228]. В «фигурке артиллериста» князь Андрей увидел «...что-то... совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное» [8: 229]. Во время боя Тушин всё делал, как

«...самый лучший офицер» [8: 253] и «...он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной...» [8: 254]. Перед начальством капитан был робкий, сконфуженный и «стоял ... с дрожащей нижней челюстью» [8: 260]. Толстой переосмысливает образы «маленьких людей» широко представленные в русской

литературе первой половины XIX века, наделяя своих персонажей человеческим величием и беспартийным героизмом. Связи, существующие между персонажами различных художественных произведений, Папкина называет интерфигуральными аллюзиями [5], которые создают глубокую ретроспективу межтекстовой связи, модифицируя семантику чужого текста.

Японский литературовед Омори Масако пишет, что «В образе купринского Рыбникова мы можем отметить ... проявление двойственности: это человечность и не-человечность, сформированную не столько «высокой» русской литературой, сколько журналистикой того времени. Сатирические журналы «Будильник»,

«Стрекоза», «Шут» часто печатали карикатуры на японцев как на врагов. На обложке «Будильника» (1904, № 12) был изображён адмирал Того в образе макаки, пишущей четырьмя руками ложные донесения о победах. <...> на карикатуре японец...изображается как не-человек с человеческим лицом, ... как «цивилизованный» человек, совершающий «дикие» поступки В карикатурах на японцев совмещаются противоположные элементы, и такая двуликость образа японца должна была отражаться в массовом сознании и возбуждать чувство неприятия в читателе» [4].

Однако представляется, что обширный пласт интертекстуальных связей, который Куприн применяет для воссоздания пародийного образа Рыбникова, всё-таки соотносится с группой текстов русской литературы XIX века, персонажи которой представляют широкий спектр комической палитры: от юмора до гротеска.

Имплицитно Куприн использует сцену (действие 3, явление 6) из комедии Гоголя «Ревизор» (1836), главу из сатирического романа Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1869 – 1870), цитату из популярного в своё время юмористического рассказа Чехова «Жалобная книга» (1884), ситуацию из водевиля Чехова «Юбилей» (1891). Эксплицитно – вставную новеллу о капитане Копейкине из поэмы Гоголя «Мертвые души» (1842).

Выбор претекстов всегда носит полисемантический характер. В данном случае Куприн выступает тонким литературоведом, применяющим особенности поэтики своих предшественников.

Поведение японского шпиона в Петербурге (ежедневное посещение различных военных ведомств) вызывает аллюзию к поведению капитана Копейкина. Речевое поведение штабс-капитана Рыбникова из новеллы Куприна в ресторанчике «Слава Петербурга» среди газетных репортёров соотносится с поведением Хлестакова в доме городничего: («Кого? Чехова? Антошу! Ещё бы, чёрт побери!..Друзья! Пили мы с ним здорово...» [3: 238]) // «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало часто говорю ему: „Ну что, брат Пушкин?“...Большой оригинал» [2: 46]. Интертекстуальное родство текстов подчёркивается и курьёзом, произошедшим с героями. Хлестаков, приписывая себе авторство многих произведений и в том числе первого исторического романа «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (1829) М.Н. Загоскина, уличается дочерью городничего. Японский шпион ошибается в отчестве Чехова («Мы, брат, бывало, с Антон Петровичем...» [3: 238]) и тем ставит под сомнение всё выше сказанное.

Рыбников Куприна семантически правильно использовал чеховскую цитату для характеристики полковника генерального штаба, проводившего маршрутную рекогносцировку «Хоть ты ... Иванов седьмой, а всё-таки дурак» [3: 238], поведение которого вызывает аллюзию к поведению командира полка Шульговича из «Поединка» [3: 14 – 16] и журналиста Щавинского. Однако он неправильно понял вопрос Щавинского «А-а! Вы знаете Чехова?» [3: 238] и отвечает как Хлестаков, что и порождает комический эффект и создаёт ситуацию игры.

Цитата Чехова в новелле Куприна употреблена дважды. Второй раз Рыбников пишет её для Щавинского, откровенно насмехаясь над «аристократом газетного мира», считавшего себя способным проникнуть в тайны человеческого духа. Напомним, что фраза имеет иронический подтекст по отношению к человеку, поведение которого не соответствует занимаемому положению.

В других фрагментах текста в речи Рыбникова многократно варьируется фраза: «Я – штабс-капитан Рыбников! ...Что? Не правда?» [3: 243]). Эта фраза вызывает аллюзию к речи Дементия Варламовича Брудастого, восьмого градоначальника Глупова (глава «Органчик»), в голове которого был устроен небольшой органчик, «могущий исполнять ...нетрудные музыкальные пьесы. Пьес

этих было две: «разорю!» и «не потерплю!» [7: 42]. Отметим, что цитаты в речи Рыбникова и Куприна, и Акунина используются героем, как маскировочный халат. Обращаясь к русским пословицам, русской литературе и истории, японец стремится подчеркнуть лингвокультурную общность с чужим миром, а Куприн показать его чужеродность русскому миру: «...вы вместо слова рукопись сказали – манускрипт. ... Армейский штабс-капитан никогда не употребит этого слова...» [3: 247], – замечает Щавинский. Цитаты из произведений русской литературы заменяют Рыбникову откровенную иронию и дают образцы поведения.

Частое употребление пословиц в тексте Куприна носит полисемантический характер. Традиционная функция изображения природы героя осложняется тем, что Рыбников иностранец и для него данные единицы языка это источник страноведческой и культуроведческой информации, возможность безапелляционной аргументации своей позиции и воспроизведения скрывающейся паузы в диалогах.

Такая мотивированность цитатной речи персонажа позволяет говорить о пародийности и приращении смысла в новелле Куприна, в чём и заключается одна из функций интертекста.

Акунин воссоздаёт эту особенность речи Рыбникова в ином контексте (пародирование мотива литературности поведения), но функция интертекста та же – приращение смысла. Первый раз Рыбников, наблюдая за поведением Гликерии Романовны «во время спасения тонущих и раненых», припоминает: «Некрасов какой-то, поэма „Русские женщины”» [1: 49]. Во время одного из свиданий с Лидиной в Москве Рыбников соотносит её со сказочной героиней: «Вы как царевна Лебедь» [1:130] и цитирует Пушкина («Полно, князь, душа моя. ...рада службу оказать тебе я в дружбу» [1: 130]). Интертекстуальная связь романа Акунина с произведениями Пушкина (ода «Вольность», 1817; «Сказка о царе Салтане...», 1831) носит полисемантический характер. Благодаря интертексту изображается не только спектр отношений между Лидиной и Рыбниковым («Вася мне не любовник... Он мой друг, и я...хочу ему помочь» [1: 162]), но и эволюция этих отношений («...я же люблю вас... – пролепетала Лидина, потрясённая этим открытием» [1: 166]). Этот тип отношений широко представлен в литературе

(бескорыстная жертвенность женщины, героизация ею мужчины и влюблённость, вызванная собственным воображением). Интертекстуально используется в романе Акунина и сюжетный мотив сказки Пушкина: сын хочет встретиться с отцом, а женщина в образе Лебеди помогает ему.

Кроме того в романе Акунина пародируется манера Куприна вести дискуссии по эстетическим вопросам в своих художественных текстах. Для этого в романе воспроизводится футуристическая десакрализация Пушкина: «Что это за поэт, который радуется смерти детей» [1: 130]. Цитата из «Вольности» соотносится уже не с литературой, а с историческим фактом (расстрел царской семьи в 1918 году), о котором Лидина знать не может, так как события романа происходят в 1905 году, а в оде Пушкина речь идёт об убийстве Павла I и казни Людовика VI.

Частое воспроизведение штабс-капитаном Куприна фразеологической лексики Акунин обыгрывает как деталь шпионского антуража: «записная книжка, исписанная цитатами и афоризмами на все случаи жизни» [1: 54] под воздействием бесцветной жидкости превращается в японское послание.

Таким образом, текст Куприна в схеме представляет собой скрученную спиралевидную пружину, каждый новый виток которой, благодаря комбинаторной технике, способствует приращению и полисемантизации смысла текста новеллы.

Например, слово «показания» в четвёртом абзаце новеллы вызывает аллюзию и к «...показаниям Байбакова, часовых и органных дел мастера» [7: 42 – 44], и к ситуации их получения.

Интертекстуальное сближение новеллы Куприна и романа Акунина основывается не только на лексическом сходстве, близость находит отражение и в имитации сцен. В четвёртой главе первой части романа Акунин воссоздаёт диалог между Фандориным и генерал-лейтенантом фон Касселем. Они говорят о русско-японской войне, сравнивают, характеризуют противников, стремятся предугадать исход войны. Разговор аналогичного содержания происходит и в новелле Куприна между японским шпионом и русскими журналистами.

Таким образом, Акунин использует приём деструкции, реконструкции и пересказа, который соотносится с рефреном в поэзии и сменой рассказчиков в прозе.

Подобно Куприну, который чужой текст разделял на мелкие фрагменты и конструировал новый текст, Акунин, словно ножницами разрезает произведение Куприна и составляет заново.

Литература

1. Акунин Б. Алмазная колесница / Борис Акунин. – М. : Захаров, – 2006. – 203 с. Т. 1.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 8 т. / Н. В. Гоголь ; [под общей рѣд. В. Р. Щербины]. – М. : Правда, 984.
Т. 4: Драматические произведения. Ревизор. [примечания Г. Елизаветина] – С. 5 – 94. Т. 5: Мѣртвые души. Поэма. Т. 1. [примечания С. Машинского] – С. 250 – 255.
3. Куприн А. И. Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн ; [примеч. И. П. Питляря; вступ. ст. К. Чуковского]. – М. : Правда, 1964.
Т. 4: Поединок [примечания И. Корецкой] – С. 5 – 232.
Т. 4: Штабс-капитан Рыбников [примечания И. Корецкой] – С. 232 – 270.
4. Омори Масако. Образ японца в рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» / Масако Омори. – Электронный научный журнал ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2012. – Вып. № 4. – [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1173>
5. Папкина Д.С. Типы литературных аллюзий / Д.С. Папкина. – // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – №25.– С. 74–81. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/.../\\$file/Папкина.pdf](http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/.../$file/Папкина.pdf)
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин ; [примечания Б. В. Томашевского]. М. : АН СССР, – –.
Т. 1: Стихотворения 1813 – 1820. – 1962. – С. 321 – 324.
Т. 4: Поэмы. Сказки. – 1963. – С. 429 – 460.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города: Повесть / М. Е. Салтыков-Щедрин; [предисл. В. Путинцева; коммент. Б. Эйхенбаума; художн. Б. М. Михайлов]. – К. : Вэсэлка, 1989. – 239 с.

8. Толстой Л.Н. Война и мир: роман: в 4 т. Т.1, 2. / Л. Н. Толстой; [предисл. Н. Нагорной; примеч. Л. Опульской; художн. М. Погребинский].– К. : Дніпро, 1986. – 784 с.
9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.
10. Чехов А.П. Избранное / А.П. Чехов. – Свердловск : Сред. – Урал. кн. изд-во, 1984. – С.17.